

Жак-Эмиль Бланш

О художниках

От Давида до Дега

Фантен-Латур

В то время художники были влюблены в свое ремесло, что не мешало им смотреть, интересоваться и отдавать должное тем из своих собратьев, чьи работы были достойны внимания. И Дега, и Мане непременно посещали ежегодный Парижский салон, бывший средоточием художественной жизни. Держались обособленно лишь те, кто пытался выставлять в Салоне свои полотна, уже будучи известным, как, например, импрессионисты. Мане не пропускал ни одного Салона: получить Почетную медаль было бы для него величайшей радостью. Стало быть, несмотря на насмешки, которыми их осыпали в разговорах между собой, члены жюри пользовались общепризнанным авторитетом.

Заседания, где решалось, кому присудить «поощрение», длились неделями. Члены жюри в сопровождении зрителей шествовали через галереи, на дверях залы задергивались шторы, председатель звонил в колокольчик. Вся процедура была исполнена торжественности; сотни художников пытались узнать свою судьбу через какого-нибудь служащего Министерства изящных искусств, претенденты бродили по Дворцу промышленности в предвкушении медали или звания «особо отмечен», которые обеспечили бы им безбедный год.

Сегодня едва ли можно себе представить, сколько храбрости потребовалось маленькой группе людей, называвших себя *импрессионистами*, чтобы первыми выставить свои полотна отдельно от всех, в новом салоне.

Фантена эта смелость тревожила. Однако я до сих пор не знаю, был ли этот умнейший человек искренен, когда называл Ренуара «сумасшедшим», а импрессионистов «заблудившимися». Он находил их *безнравственными* и страшился, как целомудренный сладострастия. Но мне кажется, что в действительности он любил их, просто запретил себе в том признаваться.

В начале очерка я уже упоминал о смятении, которое царило в 1914 году, о том, насколько быстро в искусстве одна теория сменяла другую. Дошло до того, что подражание природе стало считаться «нехудожественным», а о живописном портрете говорили, что он не только уступает фотографии, так еще и создается только ради денег.

А ведь Фантен был именно *портретистом*, то есть тем, кто точно отображает действительность. Хотя он любил живопись ради самой живописи, он сторонился того, что с иронией называл «излишками темперамента», а суровость реализма и пресловутое заурядное «воспроизведение» находили в нем больший отклик,

нежели экстравагантная палитра, изогнутые линии, необычные тона и оригинальность «любой ценой».

Он мог бы стать объектом суровой «критики авангарда», если бы не его прошлое «неудачника» (или, скажем мягче, *непризнанного*), если бы его покупали американцы или кто-то из чиновников от искусства.

Дикарское затворничество в старой мастерской, где он сам «хозяйничал» — может показаться странным, но это именно так — способствовало его превращению в легенду и внушало надежду тем, кто полагал, что гений должен быть скромным.